

Глава седьмая ЗАТИШЬЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

После окончания Северной войны и заключения в 1721 году Ништадтского мирного договора, закрепившего за Россией прибалтийские территории, ранее принадлежавшие Швеции, главная внешнеполитическая задача России состояла в удержании за собою завоеванного и пресечении попыток Швеции взять реванш, а также в нейтрализации усилий враждебных России государств, прежде всего Англии и Франции, стремившихся вовлечь Швецию в орбиту своего влияния и помешать приобретению Россией статуса великой державы. Дипломатия петровского времени успешно справилась с решением этих задач: неприятель, с которым Россия в течение двадцати одного года вела изнурительную войну, превратился в ее союзника. Переговоры со шведским правительством, проходившие в 1723–1724 годах, завершились 22 февраля 1724 года подписанием в Стокгольме союзного договора, по которому обе стороны обязались в случае нападения на одну из них оказывать друг другу взаимную помощь. Россия должна была выставить 12 тысяч пехоты, четыре тысячи конницы, девять линейных кораблей и три фрегата; помощь Швеции в случае нападения на Россию какого-либо христианского государства (магометанская Турция таким образом исключалась из их числа) была скромнее и ограничивалась восемью тысячами пехоты, двумя тысячами конницы, шестью линейными кораблями и двумя фрегатами.

Стокгольмский союзный договор имел две секретные статьи. По первой из них Швеция обязалась содействовать возвращению голштинскому герцогу Карлу Фридриху отнятого у него Данией Шлезвига. Карл Фридрих с 1721 года вместе с двором проживал в Петербурге и содержался на средства казны. Гостеприимство Петра Великого имело веские причины – герцог после гибели в 1718 году Карла XII имел законные права занять шведский трон и использовался русской дипломатией в качестве средства давления на овладевшую короной сестру погибшего короля Ульрику Элеонору – пока война не была завершена, над нею висела угроза лишиться престола в пользу голштинского герцога. Кроме того, Петр решил породниться с голштинским герцогом, выдав за него замуж одну из своих дочерей. Отсюда проистекала перспектива оказания помощи Карлу Фридриху в возвращении ему Шлезвига, что, естественно, должно было сопровождаться установлением враждебных отношений с Датским королевством. У России была и собственная причина быть недовольной Данией, которая взимала пошлину с русских кораблей, проходивших через Зундский пролив. Заметим, что «зундская пошлина» имела для России более символическое, чем реальное значение, поскольку она практически не располагала торговым флотом.

Вторая секретная статья обязывала союзников поддерживать в Польше издавна установившийся политический строй (*liberum veto*), при котором один член сейма мог заблокировать любое постановление, принятое остальными его членами. России, как и Швеции, был выгоден порядок, ослаблявший Польшу.

Стокгольмский договор должен был не только положить конец распрям между соседями, но и пресечь попытки враждебных России государств оказывать на Швецию влияние, противоречившее интересам нашей страны. Однако договор, заключенный сроком на двенадцать лет, оказался недолговечным. В Швеции постепенно брали верх сторонники реванша. Ход их мыслей изложил в своем донесении представитель России в Стокгольме М. П. Бестужев-Рюмин: «Россия похитила у нас все наши крепости и защиты, привела нас в нестерпимую зависимость от себя и в такое опасное положение, что и сама столица подвержена ее нападениям и угрозам. Поэтому справедливо принимать против нее всякие меры. Но так как наше оборонительное состояние слабо и недостаточно, то необходимость

требует искать союзников и французскую доверенность и дружбу надо всякими мерами сохранять и утверждать. Во всей Европе Франция для нас надежнейшая и полезнейшая держава; она одна в состоянии давать нам достаточные субсидии и помощь на море».

В приведенном суждении немало надуманного. В частности, ложным является обвинение России в агрессивных намерениях против Швеции. Но одну мысль надлежит считать абсолютно верной: самые отъявленные реваншисты отдавали себе отчет в том, что вернуть утраченное сил у Швеции не было и она должна была ориентироваться на помощь извне.

Напомним, что при жизни Петра Великого престиж России на международной арене был очень высоким. Французский дипломат Кампредон доносил из Петербурга 9 января 1724 года, что «при малейшей демонстрации его (Петра I. – *Н.77.*) флота, при первом движении его войск ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона не осмелятся ни сделать ответного ему движения, ни шевельнуть с места свои войска. Он один из всех северных государств в состоянии уважать свой флот».¹ Все изменилось после кончины Петра, которая была воспринята и в Дании, и в Швеции как свидетельство утраты Россией способности отстаивать свои внешнеполитические интересы.

Опытный дипломат Василий Лукич Долгорукий, привыкший к уважительному отношению западноевропейских дворов к представителям России, сразу же заметил это. Прибыв в Стокгольм в 1726 году, он доносил: «При других дворах, к которым я был послан, таких необыкновенных и гордых поступков не видел. Хотя и знатные субсидии от вашего величества и от цесаря (австрийского императора. – *Н. П.*)обещал, однако здешние правители не только не отвечали учтиво благодарностию, но даже не отозвались ни единым словом. По таким здешнего двора здешним поступкам, видится, неприлично мне здесь быть в характере, в каком я сюда прислан».²

В Стокгольме и Копенгагене рассчитывали на то, что смерть императора вызовет в России смуту. В обеих столицах от представителей своих стран при русском дворе получали информацию о наличии в правящей элите двух группировок, придерживавшихся несхожих взглядов на внешнеполитический курс России.

Резидент России в Швеции М. П. Бестужев-Рюмин доносил: «Двор сильно надеялся, что от такого внезапного случая в России произойдет великое замешательство и все дела ниспровергнутся, но когда узнали, что ваше величество вступили на престол и все окончилось тихо, то придворные стали ходить повеся нос; таким образом, этот случай открыл сердца многих людей. Намерение здешнего двора было в мутной воде рыбу ловить...³» Согласно донесению русского резидента в Копенгагене Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, известие о кончине императора вызвало восторг: «из первых при дворе яко генерально и все подлые опились было». Королева выразила свою радость выдачей тысячи ефимков для нищих и госпиталей, замаскировав ее выздоровлением супруга, здоровье которого пришло в норму задолго до смерти Петра Великого.

Прусский король Фридрих Вильгельм был, пожалуй, единственным среди западноевропейских монархов, кто искренне оплакивал смерть Петра. Когда он

¹ Сб. РИО. Т. 52. С. 144; Т. 64. С. 60, 96, 97.

² Соловьев С. М. Соч. Кн. 10. С. 57.

³ Там же. С. 62.

получил известие о кончине императора, которого считал своим другом, у него покатались слезы и он заявил: «Я по смерти своего дражайшего друга хочу показать свою верность». Фридрих Вильгельм объявил траур не на три месяца, как по другим государям, а на полгода. Это, однако, не помешало ему вступить во враждебный России Ганноверский союз.⁴

Падение международного авторитета России явилось следствием изменений, происходивших внутри страны. Как известно, результативность внешней политики государства определяется тремя факторами: его экономическим потенциалом, состоянием армии и флота и искусством дипломатов. Экономический и финансовый кризис, в котором оказалась Россия, вынудил отпустить в поместья треть офицерского состава, что снизило боеспособность армии. В упадок пришел и флот – прекратилось строительство линейных кораблей, ударной силы флота, который при Петре Великом был самым могущественным на Балтийском море. В прежних размерах продолжалось лишь сооружение галер, но галерный флот не мог противостоять линейным кораблям соседних государств и морских держав – Англии, Франции, Голландии. Напомним также, что значительная русская армия в течение всего царствования Екатерины I находилась в Персии, северная часть которой по русско-турецкому договору 1724 года отошла России. Персидские дела отнюдь не радовали императрицу и ее окружение: в Персии продолжалась анархия, так что заключать мир было попросту не с кем, в то время как русские войска несли огромные потери – и не столько от постоянных стычек с местными князьками, сколько от болезней и нездорового климата.

Состояние экономики и финансов, ослабление армии и флота вынуждали Россию избегать новых военных конфликтов, способных окончательно разорить хозяйство, и без того находившееся в плачевном состоянии. Отсюда вытекала главная внешнеполитическая задача: сохранить добрососедские отношения с другими государствами как на Западе, так и на Востоке. Однако выполнение этой задачи оказалось делом крайне трудным, особенно на Западе.

Важным фактором в международной политике тех времен был подкуп дипломатами в стране пребывания государственных мужей, от которых зависело направление внешней политики. Подкуп осуществлялся либо одноразовой выдачей крупных сумм, либо установлением ежегодного пенсионного, тоже в немалых размерах. По продажности всех прочих превосходили чиновники Османской империи, которые давали себя покупать и перекупать, беря одновременно посулы от дипломатов нескольких государств. За турецкими министрами следовали депутаты польского сейма и шведского риксдага.

Не чурались взяток и русские вельможи, среди которых особой алчностью отличался Меншиков. Зная ненасытную страсть князя к стяжательству и его колоссальное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны, австрийский посол граф Рабутин настойчиво рекомендовал своему правительству не жалеть средств на подкуп светлейшего, равно как и других вельмож, от которых зависело присоединение России к Венскому союзу. Рабутин считал необходимым подарить Меншикову дорогую карету, а также осыпанную алмазами шпагу, а канцлеру Головкину и вице-канцлеру Остерману, членам Верховного тайного совета Толстому и Апраксину – осыпанные алмазами трости. Полезным для успешного завершения переговоров Рабутин считал и секретаря Верховного тайного совета Степанова. Его услуги он сначала оценил в три тысячи червонных, а затем, в другой депеше, счел необходимым добавить ему еще две тысячи. По совету Рабутина,

⁴ Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М., 1892. С. 102–107; Соловьев С. М. Соч. Кн. 10. С. 24.

цесарь подарил Александру Даниловичу находившееся в Силезии герцогство Козельское. Насколько щедрым оказался этот подарок, видно из того, что прижимистый Меншиков оценил услуги посла Рабутина в 10 тысяч гульденов.⁵

Не скарденничал и прусский король Фридрих Вильгельм, когда отвалил на подкуп русских вельмож 40 тысяч рублей, а Меншикову подарил в Померании поместье, приносящее ежегодный доход в размере 10 тысяч червонных. Кстати, король не обделил и Екатерину, подарив ей карету и восемь лошадей стоимостью в 22 тысячи талеров.⁶

Финансовые ресурсы России не позволяли ее дипломатам состязаться в размере взяток и пенсioнов, выдаваемых французскими и английскими послами. В дипломатической практике тех времен красноречие послов и резидентов, сколь бы убедительными ни были их аргументы, мало что значило, если оно не подкреплялось денежными вливаниями в карман собеседника. К тому же отечественная дипломатия, будучи еще молодой по сравнению с западноевропейской, не располагала достаточным контингентом опытных дипломатов и иногда вынуждена была пользоваться услугами иностранцев, которых назначали послами России при европейских дворах. Среди отечественных дипломатов выделялись своими способностями князь Александр Борисович Куракин, Василий Лукич Долгорукий, графы Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, Николай Федорович Головин, Александр Гаврилович Головкин и другие, но обязанности посланника России при важном для нее австрийском дворе выполнял, например, поляк Ланчинский, а в Швеции – курляндский канцлер Бракель.

Вспомним и о политическом кризисе в России, где в течение пяти лет трон занимали не способные к управлению личности: бывшая прачка и ребенок. Наступившую слабость правящая элита пыталась скрыть от западноевропейских государств двумя способами: показной расточительностью, которая должна была демонстрировать благополучие финансового состояния страны, и упоминавшейся выше усиленной эксплуатацией монетной регалии, свершавшейся в глубокой тайне.

Небывалой роскошью было обставлено пребывание в Стокгольме В. Л. Долгорукого. Верховный тайный совет ассигновал на ежедневное содержание посла по 100 рублей на день, не считая одиннадцати тысяч на ливрею и экипаж. Из Петербурга обещано было прислать серебряный сервиз, однако на подкуп тех, кто имеет влияние, была отпущена довольно скромная сумма. По случаю дня рождения императрицы Долгорукий устроил роскошный прием, на котором присутствовали сенаторы, иностранные министры, знатные особы с женами. 15 декабря в посольстве были даны маскарад и бал с участием 500 персон; бал продолжался 15 часов и завершился ужином.

Ведущие страны Европы в 1726 году были расколоты на два враждующих союза. Первый из них, так называемый Ганноверский, был образован в сентябре 1725 года. В него вошли Англия, Франция и Пруссия. Ганноверскому союзу противостояла коалиция двух держав – Австрии и Испании. К какому из этих союзов могла примкнуть Россия?

Единства взглядов на этот счет у представителей правящей элиты не было. Меншиков, Апраксин, Толстой, Голицын и, возможно, Остерман ориентировались на союз с Англией и Францией, то есть на присоединение к Ганноверской коалиции, в то время как Головкин, В. Л. Долгорукий, князь Репнин и Ягужинский считали традиционным союзником России Австрию, с которой Россия не один раз совместно

⁵ Брикнер А. Т. Австрийские дипломаты в России // Вестник Европы. 1893. № 12. С. 523–525.

⁶ Юхт А. И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 43.

выступала против Турции.

Заинтересованность в вовлечении России в Ганноверский союз выказывали Англия и Франция. В свое время еще Петр намеревался выдать дочь Елизавету за французского короля Людовика XV, однако этот брак так и не состоялся. 22 марта 1725 года русский посол во Франции А. Б. Куракин извещал Екатерину: «Все мы, министры иностранные, стараемся всячески открыть намерение здешнего двора насчет женитьбы королевской, но никак нам это не удастся; по слухам, имеется в виду дочь Станислава Лещинского, но и этому слуху верить еще нельзя». Слух, однако, подтвердился – Людовик XV избрал в супруги дочь польского экс-короля Станислава Лещинского Марию. Куракин извещал в мае: «Понеже супружество короля французского уже заключено с принцессою Станислава и так сие сим окончилось».

Станислав Лещинский, посаженный на польский трон в 1704 году шведским королем Карлом XII, а затем изгнанный из Польши после разгрома шведов под Полтавой, несколько лет скитался по странам Европы, пока, наконец, не обрел пристанище во Франции. Брачные узы французского короля с дочерью Лещинского, продолжавшего претендовать на польскую корону, в Петербурге сочли за враждебную России акцию, и это несколько ослабило позиции сторонников вступления России в Ганноверский союз. Но главной причиной, по которой Россия не могла стать членом Ганноверского союза, оказались унижительные требования, выдвинутые прусским королем и поддержанные Англией. Россия должна была отказаться от части приобретений в Прибалтике: ее западные границы доходили до Ревеля, а остальные территории надлежало отдать герцогу Голштинскому за отказ его от притязаний на Шлезвиг.

Такие условия для России были абсолютно неприемлемыми. В Петербурге сочли, что присоединение к Ганноверскому союзу «противоречит нашему интересу и важнее всего нашей чести и славе». В итоге Россия примкнула к союзу Австрии и Испании. Согласно условиям договора, заключенного в апреле 1726 года, Россия обязалась в случае нападения на Австрию послать ей на помощь 20 тысяч пехоты и 10 тысяч драгун. Обязательство Австрии и Испании состояло в предоставлении русскому флоту стоянок в портах, которыми владели эти державы, а секретная статья договора обязывала Австрию оказывать помощь герцогу Голштинскому в возвращении Шлезвига.

Екатерина реанимировала интерес России к возвращению Шлезвига Голштинии. Но руководствовалась она при этом не государственными, а чисто династическими интересами. В 1726 году герцог женился на дочери Екатерины Анне Петровне. Чтобы порадовать интересам зятя, императрица приказала интенсивно готовиться к войне с Данией с целью возвращения Шлезвига голштинскому герцогу Карлу Фридриху.

Кругозор российской императрицы в данном случае был близок к кругозору захолустной помещицы, готовой конфликтовать с владелицей далеко отстоявшей от нее вотчины из-за ничтожного повода, не заботясь о том, какие последствия может вызвать этот конфликт. России был абсолютно не нужен Шлезвиг, а подготовка к войне из-за него могла втянуть ее в конфликт европейского масштаба. Россия интенсивно, насколько позволяли ей ресурсы, готовилась к войне с Данией: к Петербургу и Выборгу стягивались войска, флот приводился в боевую готовность. Ресурсы, однако, были крайне ограничены: Россия к войне была явно не готова, и угроза начать боевые действия оказалась с ее стороны чистой воды блефом.

Тем не менее, как только известие о подготовке России к войне достигло Дании, она обратилась с просьбой о помощи к Англии. Последняя, ревниво наблюдавшая за ростом влияния России в Европе, тут же решила удовлетворить эту просьбу, правда, при условии, что Копенгаген вступит в Ганноверский союз.

Датский двор отказался от немедленного вступления в союз, что не помешало Англии отправить в Балтийское море сильную эскадру под командованием адмирала Уоджера. В районе Ревеля тот передал представителям России грамоту английского короля Георга II Екатерине I. Грамота была составлена в угрожающем тоне и отражала враждебность Англии к России. Король обвинял русских министров в намерении внести «в проектируемый договор такие отмены, которые не соответствуют истинному Российской империи интересу». Англия возлагала на себя роль миротворца и объясняла появление эскадры в Балтийском море соблюдением своих обязательств перед союзниками и «целью предупредить новые смуты в тамошних прибрежных странах, препятствуя флоту вашего величества выходить из гаваней».

Ответная грамота Екатерины I Георгу II была составлена в том же тоне. Императрица обвиняла короля «в напрасном подозрении по поводу вооружения нашего флота», производившегося якобы с целью обучения экипажей кораблей, отклоняла обвинения русских министров в нежелании вступить в Ганноверский союз, переадресовав это обвинение английским министрам. В резкой форме выражалось отношение России к появлению английской эскадры у ее берегов – это «есть следствие той злобы, которую некоторые из ваших министров в продолжение многих лет постоянно везде и явно против нас показывают». Далее следовала фраза, не ласкавшая слух английского короля: «Вы вольны давать своим адмиралам указы, какие заблагорассудите, но при этом не извольте принять за противное, если мы, когда захотим отправить флот свой в море, не допустим себе воздержаться от этого вашего королевского величества запрещением». Впрочем, обе грамоты, короля и императрицы, заканчивались миролюбивыми фразами.

Дело ограничилось колкостями в дипломатических нотах, и, к удовлетворению обеих сторон, до вооруженного конфликта дело не дошло: Россия не готова была к войне, а английское купечество энергично протестовало против вооруженного конфликта с Россией по причине глубокой заинтересованности в расширении торговли с нею.

Екатерина не отказалась от намерения объявить войну Дании, но решила перенести ее начало на год. Когда об этом стало известно Карлу Фридриху, он устроил настоящую истерику: рвал на себе одежду и даже нижнее белье. Смерть императрицы положила конец авантюрному плану. Меншиков по этому поводу заявил: «Если бы даже мы были столь глупы поссориться с нашими старыми приятелями англичанами и датчанами из-за принца, которого интересы не имеют ничего общего с нашими интересами, мы постараемся во всяком случае пристроить его в Швецию, пусть он останется там и оставит нас в покое».⁷

Словесная перепалка закончилась ничем: английская эскадра возвратилась на свои стоянки, а Россия отказалась от нападения на Данию. Затраты Англии и России на снаряжение флота оказались напрасными. Особенно болезненно к этому отнеслись в Англии: взамен отправки флота англичане вновь потребовали от Дании вступления в Ганноверский союз. В Копенгагене, однако, было заявлено, что Дания вступит в союз только в том случае, если русский флот окажется у ее берегов. Не помогли даже заверения в том, что на Россию готова напасть Турция, а Швеция вступит в Ганноверский союз в ближайшее время.

Обострению обстановки на севере Европы Россия обязана не только подготовке к войне с Данией, но и хвастливой болтовне министра голштинского герцога Бассевича, заявившего шведскому послу в Петербурге графу Цедеркрейцу,

⁷ Брикнер А. Т. // Русская мысль. Кн. 7. 1895. С. 109; Полиев Ф. Р. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира. СПб., 1907. С. 5–7.

что если Швеция будет препятствовать возвращению Голштинии Шлезвига, то Россия отправит к шведским берегам галерный флот с тридцатитысячным войском.

Потерпев неудачу в вовлечении Дании в Ганноверский союз, английская дипломатия сосредоточила свои усилия на Швеции. Здесь англичане сумели добиться успеха.

В Стокгольме и без крупных ассигнований англичан на подкуп вельмож были осведомлены, что «ни малейшей опасности с русской стороны короне шведской быть не может». Это убеждение базировалось не только на донесениях Цедеркрейца о внутреннем положении в России и расприх при дворе относительно того, к какому союзу она примкнет, но и на заявлении Меншикова послу. Это заявление воодушевило противников России: по словам светлейшего, «русские министры в Стокгольме действуют против акцессии (вступления Швеции в Ганноверский союз. – *Н. П.*) только для вида, из угождения новому союзу с цесарем (Австрией. – *Н. П.*)», и «он, Меншиков имея в руках войско, не допустит до войны».⁸

Под министрами, о которых говорил Цедеркрейцу Меншиков, подразумевался В. Л. Долгорукий, отправленный в Стокгольм, чтобы всеми средствами противодействовать вступлению Швеции в Ганноверский союз. Но заявление Меншикова ставило Долгорукого в крайне затруднительное положение не только потому, что он располагал весьма скудными ассигнованиями на подкуп, но и вследствие того, что партия «доброжелательных» по отношению к России была неизмеримо слабее партии противников союза с нею. В рядах «доброжелательных» не было авторитетного и энергичного лидера; здесь собралась дворянская мелкота, довольствовавшаяся незначительными подачками, в то время как партию их противников возглавляли умный, предприимчивый сенатор Горн и влиятельный граф Делагарди. Их враждебность к России была подкреплена солидными кушами: Горн получил от Ганноверского союза 160 тысяч рублей, а Делагарди английское правительство назначило ежегодный пенсион в сумме четырех тысяч фунтов стерлингов. В итоге Швеция, являвшаяся по договору 1724 года союзницей России, оказалась в Ганноверском союзе, направленном против нее.

В Петербурге стерпели предательскую акцию Стокгольма и победу сторонников реванша за отошедшие к России прибалтийские территории. Восстановить прежние союзнические отношения между Россией и Швецией можно было применением силы, но Россия ею не располагала. К тому же в Петербурге были озабочены не столько решением внешнеполитических задач, сколько выведением страны из хозяйственного и финансового кризиса.

Подводя итоги анализу отношений России с западноевропейскими государствами в годы царствования Екатерины I (да и Петра II тоже), должно отметить осмотрительность и осторожность в действиях правительства, озабоченного прежде всего сохранением мира. России удалось избежать вовлечения в военный конфликт. Поэтому довольствовалась Россия в отношениях с Западом скромными результатами: своим участием в австро-испанском союзе она как бы уравновешивала силы двух союзов, что обеспечивало мир в Европе.

* * *

Более значимых результатов Россия достигла на Востоке, и прежде всего в отношениях с соседним Китаем. Отметим, что на восточных рубежах России сложилась иная обстановка, чем на западных. Колоссальные, трудно преодолимые расстояния между Петербургом и Пекином, отсутствие постоянных

⁸ Соловьев С. М. Соч. Кн. 10. С. 51, 59.

дипломатических представительств в обеих странах лишали их правительства своевременной и достоверной информации о внутренней жизни соседей: в Петербурге довольствовались лишь слухами о том, что происходило в Китае, и наоборот. Поэтому в предстоявших переговорах такие факторы, как состояние экономики и вооруженных сил, степень политической стабильности и т. д., оказывали меньшее влияние, чем в переговорах с западноевропейскими странами или с Турцией.

Посольство в Китай во главе с чрезвычайным посланником и чрезвычайным министром Саввой Лукичом Владиславичем Рагузинским было отправлено в конце 1725 года. За месяц до отъезда Рагузинскому вручили пространную инструкцию, в которой помимо изложения задач посольства были предусмотрены мельчайшие детали поведения посла во время переговоров с китайской стороной. «Понеже с китайской стороны, – читаем в преамбуле инструкции, – для приключившихся пограничных некоторых несогласий не токмо с Российскою империею отправление купечества пресечено и по прежнему обыкновению отправленный российский караван в Китай не пропускается, но и агент Лоренц Ланг, бывший при дворе ханове в Пекине, и все российские купеческие люди из китайского владения пред двумя годами высланы, а наиглавнейшая с китайской стороны претензия и домогательство чинится в разграничении земель и об отдаче перебежчиков», важнейшая задача посольства состояла в том, чтобы «прежнее старое согласие и свободное отправление купечества восстановить и утвердить».

Начало торговых связей между соседними государствами восходит к середине XVII столетия, но регулярно они стали развиваться после заключения в 1689 году Нерчинского договора. В роли импортера русских товаров, преимущественно сибирской пушнины, выступала казна: сибирские воеводы взымали пушнину с коренного населения, затем в Нерчинск прибывал «купчина» – доверенное лицо правительства, которому поручались отправка каравана в Пекин, продажа пушнины, приобретение китайских товаров и доставка их в Москву. Все эти операции совершались в течение трех–пяти лет.

Первые караваны оказались прибыльными, и это дало основание Петру I объявить в 1706 году караванную торговлю с Китаем казенной монополией. Вскоре, однако, караванная торговля стала убыточной. Отчасти это объяснялось тем, что «купчины» везли наряду с казенной пушниной собственную и стремились реализовать ее в первую очередь и только потом на менее выгодных условиях продавали государственную. Но главная причина спада русско-китайской торговли была заложена в политике пекинского правительства: вопреки Нерчинскому договору китайские власти отказывались пропускать караваны. Пока шла занимавшая многие месяцы переписка, находившаяся в Нерчинске или Селенгинске пушнина, хранимая в неблагоприятных условиях, приходила в негодность. Когда, наконец, караван прибывал в Пекин, власти чинили всякого рода препятствия в сбыте товаров: ограничивали права китайских купцов покупать пушнину, чем принуждали продавать ее по заниженным ценам.

Ко времени назначения Саввы Лукича чрезвычайным посланником и полномочным министром нагнетаемые китайской стороной притеснения торговли привели к ее почти полному прекращению. Караван, отправленный в 1718 году, свыше двух лет стоял на границе, а когда его все-таки пропустили в Пекин, продавать пушнину запретили, руководитель каравана был выслан из столицы со значительным количеством непроданного товара. Вместо обычных трех лет время оборота этого каравана заняло шесть лет.

Восстановление прежних торговых отношений, а также прекращение пограничных споров и решение вопроса о возвращении русских людей, бежавших в Китай, зависели от искусства дипломата, его умения вести переговоры, его

настойчивости и способности принимать самостоятельные решения при изменившихся условиях переговоров.

Такими качествами Рагузинский обладал, и правительство Екатерины I едва ли могло сыскать кандидата более достойного и способного выполнить поручение, чем он – равного ему в стране не было ни по образованности, ни по знакомству с дипломатией восточных стран, ни по диапазону жизненного опыта.

Серб по национальности, православный по вероисповеданию, Савва Лукич родился в 1669 году и, как и его отец, вел торговые операции на территории Турции. Ненависть Рагузинского к деспотическому господству турок над православными народами Балканского полуострова и надежда на помощь России в освобождении от турецкого ига толкнули его на контакты с временными послами России в Османской империи – сначала с Емельяном Ивановичем Украинцевым, затем с Дмитрием Михайловичем Голицыным и, наконец, с Петром Андреевичем Толстым, которому, в отличие от первых двух дипломатов, выполнявших разовые поручения, удалось добиться статуса постоянного представителя России в Турции.

Рагузинский вместе с Толстым оказали неоценимую услугу России в самый критический момент Северной войны, когда не знавшая поражений армия шведского короля Карла XII вынудила войска Петра I отступить на восток и овладела значительной частью Украины. Нелегкая задача Толстого состояла в том, чтобы обезопасить южные рубежи России от вторжения турок, что крайне усложнило бы ее положение и вынудило бы вести войну на два фронта. Эту задачу блестяще выполнил Толстой благодаря бескорыстной помощи Саввы Владиславича, снабжавшего его ценной информацией, получаемой им от агентов, проникших в самые высокие правительственные инстанции. Эта информация касалась состояния экономики Османской империи, ее вооруженных сил, намерений правительства, свойств характера тех лиц, которые стояли у кормила правления, и возможности их подкупа. В 1704 году, когда над Рагузинским нависла угроза обвинения в шпионаже, он выехал из Турции в Россию и более туда не возвращался, но созданная им разведывательная сеть продолжала действовать.

Петр I высоко оценивал услуги Рагузинского, щедро награждал его поместьями и предоставлял торговые льготы, что позволило ему сколотить немалое состояние. В 1718 году Савва Лукич женился на двадцатилетней патрицианке Вирджинии Тревизан. Леди Рондо, супруга английского резидента Клавдия Рондо, с неприязнью относившаяся к Вирджинии, писала, что Рагузинский скорее не женился, а купил ее, «потому что обладал несметными богатствами». По свидетельству той же леди, супруг «держит ее взаперти и очень редко отпускает куда-нибудь кроме двора».

Чтобы преодолеть расстояние от Петербурга до русскокитайской границы обозу посла, состоявшему из шестидесяти телег, понадобилось десять месяцев – он отправился из столицы 12 октября 1725 года, а достиг пограничной речки Буры 24 августа следующего года. Конечно, гонец мог передвигаться с большей скоростью, чем громоздкий обоз, тем более что Рагузинский останавливался на продолжительное время в Москве, Тобольске и Иркутске.

На уроженца юга Европы просторы Сибири произвели неизгладимое впечатление: «Земля эта обетованная по хлебородию, в рыболовлях и звероловлях и преизобильная рудами разных материалов, разными мраморами и лесами, и такого преславного угодя, чаю, на свете нет».

Посольство пересекло границу только 2 сентября 1726 года из-за споров по поводу того, кто из сторон должен первым нанести визит. В Пекин Рагузинский прибыл через сорок дней, причем ему оказывали пышные встречи не только в столице, но и во всех городах, через которые он проезжал.

Ласковое обращение, внимательность и восточная вежливость, нежные улыбки чередовались с надменной холодностью, содержанием посольства в полной

изоляции – порой его сторожили 600 солдат под командой трех генералов. Подобное поведение китайской стороны было хорошо известно Рагузинскому как одна из характерных черт восточной дипломатии. Знал он и способы преодоления подобных трудностей, создаваемых пекинским правительством с целью оказать давление на посла, принудить его быть сговорчивее.

К числу «несносных притеснений» посольства относились снабжение персонала соленой водой, вызывавшей желудочные заболевания, угроза выдворить посольство из Китая в зимнее время, что неизбежно обрекало его на гибель, намерение «передать россиян, как мышей». Но Рагузинский проявлял выдержку, настойчивость и не поддавался на провокации. В то же время, когда Савва Лукич заболел, к нему были приставлены врачи самого богдыхана; впоследствии он был удостоен чести присутствовать на новогодних торжествах и т. д.

На хитрости китайских дипломатов Рагузинский отвечал стойким выполнением пунктов инструкции. В одном из донесений в Петербург он писал: «Я скорее сгнию в тюрьме, нежели нарушу инструкцию»; в другом добавлял: «Хотя б десять сажен над землей буду, я не нарушу верности своему отечеству».

Переговоры затягивались прежде всего потому, что участники их стремились к разным целям: Владиславич добивался упрочения мира и возобновления караванной торговли, в то время как уполномоченные богдыхана надеялись на расширение своей территории за счет перемещения границ на север.

В результате длительных переговоров с тремя сменявшими друг друга китайскими делегациями были согласованы тексты будущего договора за исключением пограничного размежевания, которое обе стороны решили произвести на месте, где проходила условная граница.

Посольство выехало из Пекина 23 апреля 1727 года и достигло речки Буры в июне. Здесь повторилось то, что происходило в Пекине: сегодня китайская делегация соглашалась с формулировкой какого-нибудь пункта, а на следующий день отказывалась от достигнутого результата.

В августе 1727 года был наконец заключен Буринский трактат о размежевании границ, который надлежало присоединить к договору, составленному в Пекине. Осталась пустая формальность – получить одобрение богдыхана. Для этого был объявлен сорокадневный перерыв, и русское посольство отбыло в Селенгинск.

Точно через сорок дней Рагузинский раскинул шатер у речки Буры, через несколько дней получил одобренный в Пекине проект договора и к своему удивлению обнаружил, что он существенно отличается от проекта договора, согласованного еще в Пекине. Начался третий этап переговоров, столь же изнурительный, как и первые два.

Наступили зимние холода, и Савва Лукич вновь отправился в Селенгинск. Переговоры возобновились в марте следующего года, когда из Пекина был доставлен проект договора, соответствовавший согласованному 21 марта 1727 года. Понадобилось, однако, время, чтобы его подписали в Пекине. Размен трактатами состоялся в июне 1728 года в Кяхте, вследствие чего и договор получил название Кяхтинского.

Кяхтинский договор – важная веха в русско-китайских отношениях. Статья 1 договора начинается торжественной фразой: «Сей новый договор нарочито сделан, чтобы между обеими империями мир крепчайший был и вечный». И действительно, Кяхтинский договор вплоть до середины XIX века служил правовой основой взаимоотношений России с Китаем.

Успешные действия Саввы Лукича Рагузинского, отнявшие у него три года жизни, были высоко оценены в Петербурге – он был пожалован тайным

советником.⁹

В целом, итоги внешнеполитических акций России в царствование Екатерины I, несмотря на отдельные неудачи, можно признать положительными. Россия, обладавшая самой многочисленной армией в Европе, хотя и с ослабленной экономикой и нестабильной политической ситуацией, сохранила значение державы, союзом с которой продолжали дорожить.

⁹ Павленко Н. И. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // Вокруг трона. М., 1999. С. 467–477; Он же. Соратники Петра. М., 2001. С. 377–432.